

Глава двадцать первая

ХЕШТЕГ И ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ

Стояло лето 2012 года. Мы уже смирились с тем, что не получилось первыми опубликовать работу об использовании перьев хищных птиц, и готовили собственную статью для скорой публикации. Наши ежегодные раскопки в пещерах Вангард и Горама (илл. 8 на нахзаце) были в самом разгаре. Хорошо помню этот момент: я находился в пещере Горама, рядом с внешним отсеком, когда меня попросили спуститься к Пако во внутреннюю часть пещеры.

Пако Джайлз — один из лучших полевых археологов, которого я знаю, и для меня было честью работать с ним целый месяц. Он отличается редким качеством: отлично разбирается как в археологии, так и в природном мире. Пако натуралист. Когда он кого-то зовет, лучше пото-

ропиться, поэтому я без промедления спустился вглубь пещеры и увидел Пако, который стоял, согнувшись, с фонарем на голове, и внимательно что-то рассматривал внизу. Я спросил его, зачем он меня звал, и он показал на землю. Сначала я ничего не увидел, и тогда он указал мне на какие-то линии, которые перекрещивались между собой.

Мы стали их рассматривать. Долго стояли и смотрели. Что бы это могло быть и кто мог их оставить? Ведь дело в том, что хотя мы толком ничего не говорили, но оба отлично знали и без всяких слов, что линии находятся в слое, который принадлежит неандертальцам. Именно этот слой мы раскапывали, и в нем обнаружили линии. Они были покрыты толщей отложений в 60 сантиметров, в которых содержались исключительно следы деятельности неандертальцев. Все говорило о том, что эти линии тоже оставили они.

Мы не могли поверить. Сенсация была бы громкой, поэтому, перед тем как о чем-то сообщать, нужно было собрать веские доказательства, так что мы решили максимально скептически ко всему отнестись. Мы скрупулезно перебирали любые варианты, при которых эти линии могли оставить неандертальцы. Мы привлекли к делу наших специалистов, прежде всего геоморфолога Хоакина Родригеса Видаля из Университета Уэльвы. Когда нужно разобраться, что происходит в наших пещерах, я всегда полагаюсь на Хоакина — его знания геоморфологии и геологических процессов для меня вне конкуренции. Испытание, которое мы приготовили ему на этот раз, было отличным шансом проверить, насколько широка его компетенция.

Спустя какое-то время Хоакин представил подробный анализ того, как сформировались различные микроскопические слои, покрывающие наши линии, — было очевидно, что эти отложения образовались уже после того, как линии кто-то начертил. Хоакин осветил мельчайшие подробности этого процесса. Линии оказались канавками, выдавленными в земле, — получалось, что это нечто вроде гравировки.

Наступило лето 2013 года. Прошел уже год, и мы были уверены, что наша находка — не что иное, как изображение, которое вырезали неандертальцы (рис. 13). Мы до сих пор не знаем, что оно означает, но ясно одно: это нечто уникальное, ничего подобного раньше не находили. Нам с ближайшими доверенными коллегами удалось сохранить свою находку в секрете, но все чувствовали, что пора о ней написать. Однако прежде чем это сделать, помня о том, какая будет сенсация, я решил, что нам нужно еще одно мнение. Остальные согласились. Долго размышлять, кому довериться, не пришлось — выбор пал на Франческо д'Эррико. Для нас это был лучший в мире эксперт по древним гравировкам на костях и камнях. Но даже для него такая задача ставилась впервые.

Итак, в один из июльских дней 2013 года я набрал номер телефона Франческо, полагая, что все вокруг, как и я, летом трудятся в полях. Франческо работает в Университете Бордо, но мой звонок застал его на родине в Италии, где он проводил отпуск. Он сказал мне, что отдыхает сейчас с семьей в Лигурии и никак не может приехать — когда сможет, даст мне знать. Через неделю он приехал в Гибралтар.

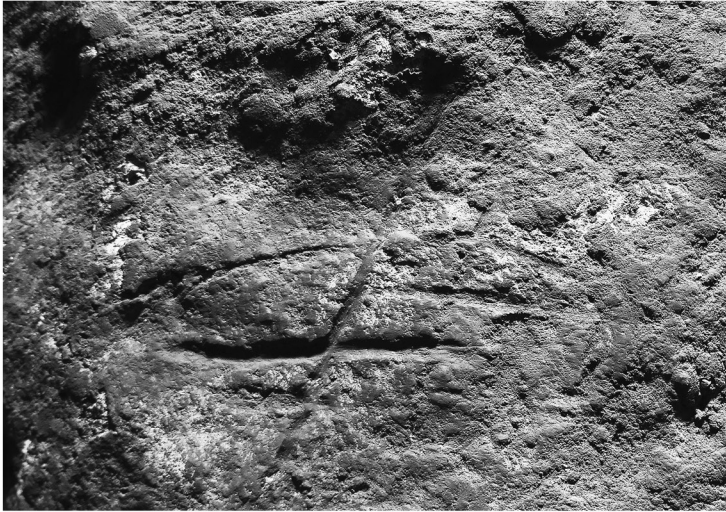

Рисунок 13. Хештег

Мы отвели Франческо в пещеру. Он уже знал, что его ожидает, но теперь увидел все своими глазами. Он сел на то же место, где годом раньше сидел Пако, и принялся пристально рассматривать изображение; потом осветил артефакт с другой стороны и продолжил смотреть, не отрываясь. Мне было очень интересно, какие мысли крутятся в его голове, но я боялся его отвлекать. Еще я боялся самого плохого — что он не согласится с нашими выводами. Внезапно он обернулся и начал говорить что-то вроде: «Так, нам понадобится такое-то оборудование — да, еще это и вот это». Я точно не помню, что он говорил, но дальше уже не мог себя сдерживать и спросил: «Ну что, это оно?», и Франческо ответил с улыбкой: «Ну конечно!»

Гравировку продолжили анализировать, на это ушел еще один год. У нас не было возможности ни отнести

ее в лабораторию, ни даже сделать слепок, потому что в последнем случае существовала опасность повредить физическую и химическую целостность канавок. Пришлось везти в пещеру специальный микроскоп. Мы проводили эксперименты, чтобы понять, каким образом была сделана эта гравировка: сначала тщательнейшим образом измерили каждую канавку, а потом попробовали повторить изображение. Для этого мы взяли кусок скалы той же породы и выдавливали на нем канавки. При этой работе мы использовали копии неандертальских инструментов, выполненные из того же самого материала, из которого неандертальцы делали свои орудия в Гибралтаре.

Франческо начал работу, а моя невестка Джейд вызвалась вести записи. Он надавил инструментом на камень и сделал первую линию. Мы измерили ширину и глубину получившейся канавки. Приложив немалые усилия, Франческо сделал второй оттиск — выяснилось, что не так-то просто соблюсти линию. Это было сложнее, чем казалось на первый взгляд. Наконец после шестидесяти попыток у нас получилось сделать канавку, которая соответствовала размерам оригинала. В ходе эксперимента одно из орудий пострадало — у него отломился кончик. В конце концов наша гравировка была полностью готова; мы посчитали, что на это ушло два часа. Нет сомнений в том, что создать такое изображение — не ерунда, для этого нужен определенный уровень мастерства.

Потом мы начали думать, какие возражения могут возникнуть у наших критиков. Выдвинули и быстро опровергли предположение, что линии образовались под воздействием воды. В пещере были подобные от-

метки, но их свойства и размеры оказались совершенно другими. Второе вероятное возражение — что это следы от разделки туши, когда люди резали мясо, и нож соскальзывал в сторону. Джейд отправилась к мяснику и вернулась с куском свинины, с которой еще не сняли кожу. Франческо попробовал, но у него получилось другое положение линий — они располагались хаотично. Значит, отметки — не следы разделки туши. Мы были правы и могли наглядно доказать, что действительно обнаружили гравировку, которую выполнили неандертальцы.

Через два года после находки, проведя множество обсуждений и опытов, наша дружная команда, которой удалось так долго продержаться все в секрете, опубликовала статью в *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*¹. Мы не заявляли, что найденная гравировка — это искусство. Но после публикации статьи многие так говорили. Мы же были рады показать, что неандертальцы намеренно начертили линии, которые не выполняли никакой практической функции. Человек, создавший гравировку, наверняка делал подобное раньше, так как эта работа требовала навыка и опыта. Мы не знаем, какой смысл заключен в этом знаке, нам известно одно: 40 000 лет назад кто-то создал абстрактный узор². Помимо всего прочего, это показывает, что выполнивший его человек обладал когнитивными способностями, сравнимыми со способностями современного человека. Тот неандерталец был человеком в полном смысле слова.

За последние годы мы проделали длинный путь, и найденные данные о поведении неандертальцев доказывают несостоятельность идеи о когнитивной революции со-

временного человека³ — ее не было ни 50 000 лет назад, ни в любое другое время. Недавно вышли две статьи, авторы которых, похоже, поддерживают предположение, что неандертальцы были художниками и ювелирами и разрисовывали стены пещер еще 64 800 лет назад⁴. И хотя мне очень хотелось бы в это верить, все же к этому заявлению стоит отнестись с максимальной осторожностью, поскольку оно по большей части основано на возрасте рисунков: они относятся к периоду, когда современные люди еще не появились на территории Европы. Пока у нас не будет неопровержимых палеонтологических или археологических доказательств, что авторы — неандертальцы, следует оставить пространство для маневра. Ведь у нас есть генетические данные и об анатомически неизвестных разновидностях человека⁵, и о «призрачных» видах⁶, из чего следует, что больше нельзя судить, кто занимал стоянку, только лишь по возрасту отложений.

Генетика, как ничто другое, изменила наше представление о происхождении человека. Теперь мы знаем, что нынешние люди неафриканского происхождения носят в себе гены неандертальцев, а сам процесс эволюции человека напоминает разветвленный непрерывный узор⁷, где ответвления расходятся и иногда потом снова сходятся. На сегодняшний день линейных схем вроде «предок–потомок» и даже генеалогических древ оказывается недостаточно, чтобы наглядно представить эволюционный процесс.

Этот процесс гораздо сложнее, чем история о том, что некая мутация возникла в нас вдруг, буквально в один момент, примерно 50 000 лет назад³, — как будто мы

съели запретный плод с древа познания. Напротив, если рассматривать родословную человечества как схему с то и дело пересекающимися ветвями, то станет очевидно, что между отдельными разновидностями людей есть очень много общего. Как мы успели убедиться, время от времени неандертальцам удавалось не пускать современных людей в Европу. Едва ли это говорит о превосходстве современного человека. Но как ни парадоксально, возможно, главным образом благодаря этому мы и выжили, а неандертальцы вымерли⁸.

Судя по всему, современные люди медленно и постепенно проникали на территорию неандертальцев, и между ними происходило скрещивание. По мере того как в Центральной Евразии сокращались любимые неандертальцами леса⁹, численность их населения падала, что, в свою очередь, облегчало современным людям заселение материка. Раньше приверженцы модели замещения¹⁰ ухитрялись даже признать признаки символического поведения неандертальцев объяснять тем, что превосходящие их современные люди научили их, как делать постели и прочие подобные вещи. По иронии, сейчас мы, похоже, можем утверждать, что современные люди, скорее всего, научились у неандертальцев охотиться на крупных орлов и украшать себя их перьями с символической целью.

Если говорить о мозге, то считается, что размер новой коры головного мозга связан со способностью разных приматов успешно функционировать в составе группы определенной численности¹¹. Идея в том, что поскольку в процессе эволюции новая кора головного мозга увеличивалась в размерах, обладатели более крупной

коры вовлекались в большее число социальных связей внутри растущих групп. Тезис, что люди с легкостью могут поддерживать отношения со 150 соплеменниками, лежит в основе гипотезы социального мозга. Было принято считать, что благодаря этой способности, возникшей в результате мутации 50 000 лет назад, мы научились поддерживать связь со 150 (и даже больше) людьми, что и запустило когнитивную революцию³. Но проблема в том, что нет ни генетических доказательств этой мутации, ни археологических свидетельств произошедшей 50 000 лет назад революции, а в настоящее время даже гипотеза социального мозга вызывает сомнения¹².

Сегодня совершенно очевидно, что признаки когнитивной революции, сформулированные еще Мелларсом, проявились не одномоментно, а постепенно возникали в течение длительного времени. Также нет сомнений в том, что большая часть этих признаков была присуща неандертальцам: они изготавливали пластины; делали сложные орудия; украшали себя птичьими перьями; использовали охру — чтобы раскрашивать себя или чтобы рисовать, а может быть, и то и другое; делали гравировки на стенах пещер; у них была сложная экономическая и социальная организация, которая включала тщательное планирование охоты на определенное время года и на конкретную добычу. Кроме того, они охотились на птиц — этих так называемых быстро передвигающихся животных, которых невозможно поймать.

Нам предстоит еще многое узнать о неандертальцах, но уже сейчас известно достаточно, чтобы утверждать: их

когнитивные способности были такими же, как наши, и никакие «более развитые когнитивно люди» не приходили им на смену. Я не могу отделаться от ощущения, что мы смотрим на молчаливых¹³ неандертальцев точно так же, как когда-то смотрели на другие народы, которых обнаруживали в новых открытых нами землях¹⁴. Недавно во время интервью, которое я давал для документального фильма, меня спросили, хотел бы я встретить живого неандертальца. Моим первым порывом было сказать: «Да, конечно!» Но потом я задумался и засомневался. И ответил, что нет, не хотел бы. Если вспомнить, как мы поступали с другими народами, когда впервые с ними встречались, да и потом тоже, то приходишь к выводу, что живому неандертальцу лучше сегодня не попадаться нам на глаза.

Если из этого правила и были исключения, то, возможно, лишь однажды — десятки тысяч лет назад, когда древние современные люди и неандертальцы впервые столкнулись друг с другом, ведь, глядя на всю нашу историю, сложно поверить, что при встрече с другими людьми мы не истребили их, поэтому ничего удивительного, что появилась эта примитивная гипотеза о модели замещения.

В своей книге «Sapiens. Краткая история человечества» Юваль Харари¹⁵ говорит о том, что в вымысле содержится огромная сила, а воображаемые реальности вполне осязаемо влияют на мир. Может быть, как раз в этом все дело. По иронии лучшей иллюстрацией его словам служит вымысел, будто мы смогли развиваться, а другие — нет, потому что они были более отсталыми. Эта сказка оказала не меньшее влияние, чем любые мифы